

Вундеркинд из деревни Самотевичи

100 лет поэту Аркадию Кулешову

Время безжалостно.

Признанные при жизни мастера пера, лауреаты всевозможных премий и авторы бестселлеров нередко забываются, и творения их безнадежно заносит бумажной пылью.

Но если что-то остается — значит, оно того стоило.

Стихи поэта Аркадия Кулешова остаются востребованными. Многие из них стали и становятся известными песнями. Вспомнить хотя бы «Алесю». Вчера литературный мир отмечал 100-летие поэта. В столь важный день я попросила рассказать о нем его дочь, Валентину Аркадьевну. Она — известный литературовед, автор нескольких книг о жизни и творчестве Кулешова.

— Каким вы представляете идеальный памятник своему отцу?

— После его смерти было решено поставить памятник в Минске. Но так и не поставили. А где бы я хотела его видеть? Там, где ничего сделать уже нельзя. На родине Аркадия Кулешова в Самотевичах, в Костюковичском районе. В 2000 году я была там с внучкой Алесей. Сейчас это — зараженная радиацией зона, захороненная деревня, туда никого не пускают. Меня пропустили как дочь Кулешова. И что я увидела? Отцовский дом сожжен. Сейчас на том месте просто мемориальный знак. Отец очень любил

те места, мы ездили с ним туда. А ставить любые другие мемориальные знаки можно там, где людям хочется их иметь.

— Зачастую такие талантливые люди, как Аркадий Кулешов, разносторонни. Ваш отец в каких-то других видах искусства проявлялся?

— У него был хороший голос. Когда я ложилась спать, пел мне песни. Моего сына, Володю Берберова, я тоже с детства приучала к музыке. Отец исполнял и белорусские композиции, и украинские. А

когда мы приезжали к его родителям, они с ним заводили одну и ту же песню, она как бы ритуальной в их семье стала: «На скале перед рекою молодой пловец сидел...» И я тоже подпевала. Помню, когда ее текст и мелодия понадобились для фильма «Запомним этот день», который снимал режиссер Корш–Саблин по сценарию Кулешова и Лужанина, в то время отец лечился в Несвиже. Нам позвонили домой, трубку подняла я. И все напела. Когда отец посмотрел фильм, удивился: «Как ты могла так точно воспроизвести песню?» Мы с сыном заинтересовались ее историей и обнаружили, что она написана в 1846 году украинским автором. Причем, по мнению сына, наш вариант относился ко временам Первой мировой войны.

— Я знаю, что в доме у родителей Кулешовых был даже граммофон...

— Его мать и отец были учителями. Граммофон им подарил владелец имения Самотевичи — Голынский. То, что отец рано проявил поэтический талант, это безусловное влияние среды, в которой ему посчастливилось расти. Первые небольшие стихи он писал в подражание песням Вяльцевой, звучавшим в доме. Поэтому у него очень песенная поэзия.

— Начало творческого пути Кулешова блестящее. Первая книга — в пятнадцать лет... В Мстиславском педтехникуме он становится членом литобъединения «Мсціслаўцы» вместе с Юлием Таубиным и Змитроком Астапенко. Наверное, когда Таубин и Астапенко были репрессированы в 1930–е, это стало для вашего отца ударом?

— Конечно. Отец считал, что ему посчастливилось в Мстиславле оказаться среди исключительно талантливых людей. Астапенко и Таубин были старше и могли многому научить. И когда в 1930 году, окончив техникум, уехали в Минск, прихватили с собой и Кулешова, который еще был учащимся. Но друзья считали, что ему нужно начинать серьезную работу в литературе. В Минске они стали заниматься

переводами. Кулешову тогда было шестнадцать лет. Переводил Лермонтова, Пушкина, другую русскую классику.

— Но он же еще учился позже?

— Начинал учебу в пединституте, но задержался там, кажется, всего на год. Как раз в это время и написал цикл стихов «Юнацкі свет». Был смешной случай, когда он читал одно из своих стихотворений, забыл слова, а однокурсники, которые хорошо знали его стихи, ему подсказали. После отец пытался возобновить свою учебу, но это был уже или сороковой, или даже начало сорок первого. Так и не возобновил. Отец занимался самообразованием всю жизнь. А когда его друзей арестовали, это стало трагедией. И не случайно в 1965–м написал цикл стихов,

посвященный памяти Таубина и Астапенко. Отцу тяжело было напечатать эти стихи. Все боялись. Только редактор радио Данилевич, интересный человек, который в прошлом был клоуном, отважился и дал отцу возможность выступить. А после того как стихи были таким образом обнародованы, их уже решились и опубликовать.

— А вашего отца самого не допрашивали?

— Нет. Во-первых, вместе с Таубиным и Астапенко они жили недолго в квартире на Розы Люксембург, которую снимали у одного железнодорожника. Втроем тяжело было работать в одной комнатке — и его друзья разъехались. Во-вторых, отец же был подростком — шестнадцать лет. Только прокуренные пальцы свидетельствовали, что он считает себя взрослым.

— Много курил?

— Да. С семи лет.

— И родители знали?

— Родители его работали в разных школах, утром уходили, а Кулешов бродил по лесу и собирал грибы, продавал их, а деньги переходили родителям, но часть, конечно, шла на курево. Тем более он не один курил, а с другом. Отец посвятил ему стихотворение «Бесядзь», где есть строфы:

За дымам думкі следам

Плывуць —

Мая, твая...

Ты марыш быць паэтам,

Быць трактарыстам — я.

Над ельнікам імглістым

Плыве за годам год.

Стаў друг мой трактарыстам,

А я —

Наадварот.

То, что мой отец выглядел подростком, и спасло его от внимания «серьезных людей». Хотя отец писал не о том, о чем было модно: машины, фабрики... Его это не интересовало. Его интересовал человек.

— Я знаю, что едва не был репрессирован и отец Аркадия Кулешова...

— Во время оккупации отца Кулешова не в Хотимске, где он жил, а в Малом Хотимске выбрали старостой. Я считаю, это провокация. Говорили, его имя на собрании назвал не коренной житель Малого Хотимска, а какой-то незнакомец. Некоторое время дед был старостой, потом он предупредил местных евреев, что их собираются вести на расстрел. Ключи от продуктового колхозного склада отдал посланцу партизан. Ну и еще подобное делал... А затем скрылся. Его

жену и их младшего сына арестовали и угнали в Германию, а дом сожгли. И мой отец на первую свою премию отстроил родительский дом. Он до сих пор стоит в Хотимске. После войны отцу Аркадия Кулешова опять угрожал арест.

Вернувшийся в Хотимск с фронта поэт Петро Приходько, который был учеником матери Кулешова и очень ее уважал, просто «выкрал» моего деда, увез в Минск без документов. Мои дед и отец пошли к Пономаренко. А дело в том, что в это время началась травля Аркадия Кулешова. Пономаренко приказал «остановить травлю настоящего поэта-фронтовика» и сказал, что не считает отца поэта виновным. Похожие ситуации случались не раз. Однажды кто-то из партийного руководства ехал в полutorке вместе с Петром Приходько и моим дедом, и высадил их посреди поля, зимой. Те пошли пешком к железной дороге, как-то добрались до полустанка Коммунары.

— И ваш отец действительно пять лет ничего не писал после двадцатого съезда из-за потрясения?

— Поэт — это же эмоциональный человек. Никакой стресс не может его обойти. Во-вторых, после той паузы Кулешов пришел к стихам, которые потом издал в переводе на русский под названием «Новая книга». Это стихи о космосе, с новым мироощущением.

— А как ваш отец сочинял?

— Он быстро писал стихи. И сочинял их лежа. Но записывал, только когда стихотворение пришло целиком. Тогда садился за машинку и печатал готовый текст. И дальнейшая обработка была не нужна.

— А любил ли читать стихи вслух? Собирались ли в доме писатели?

— Стихи в компании не читал. Это не про него. Гости собирались, когда мы поселились на улице Белорусской. В нашем доме получили квартиры писатели, актеры, живописцы. Над нами поселился Бровка. С их семьей иногда на праздники собирались за столом, пели. У Бровки тоже был хороший голос, более высокий, чем у отца, и у них получался замечательный дуэт. Максим Танк тоже был нашим соседом, Ахремчик, Платонов. Все, конечно, время от времени собирались вместе. Особенно на годовщину Победы. Выходили во двор и стреляли в воздух.

— У них что, оружие было?

— Конечно, законное! Они же все военные. У отца, военного корреспондента, был пистолет ТТ.

— А где ваш отец познакомился с вашей мамой?

— У Платона Головача. Ее сестра была за ним замужем. Вот как раз там посиделки писательские и происходили. Головач разбирался и в поэзии, и в прозе, очень ценил молодых. И отец приходил туда. Как-то стал ухаживать за моей мамой, а она в это время разливала всем чай. И в ответ на приставания капнула на кавалера кипятком. Отец вскочил: «Сумасшедшая!» Вот так и ухаживал. Впрочем, ему тогда было шестнадцать лет. Ну и маме примерно столько же.

— Кипяток не остудил чувства, как я понимаю?

— Нет, конечно. Мама была очень красивая. Кроме того, живя в семье Головача, она хорошо разбиралась в литературе и стала для талантливого поэта хорошей женой.

Советская Белоруссия №24 (24407). Пятница, 7 февраля 2014 года.

<https://www.sb.by/articles/vunderkind-iz-derevni-samotevichi.html>